

СОЦИОЛОГИЯ КУЛЬТУРЫ ИЛИ СОЦИОЛОГИЯ КУЛЬТУРНО-ДУХОВНОЙ СФЕРЫ?

Автор: В. П. КУЛТЫГИН

КУЛТЫГИН Владимир Павлович - доктор философских наук, первый вице-президент Российского общества социологов.

До недавнего времени культура в отечественном, да и в мировом обществоведении имплицитно воспринималась как преимущественно сфера искусств и художественного народного творчества. Именно таковым является господствующее представление о культуре в таких науках, как культурология или социология культуры. Вспомним, в частности, содержательные работы авторов журнала "Социологические исследования" Л. Когана, Л. Ионина, А. Шендрика и др.

Однако с середины 1980-годов стало расти понимание того, что культура является не только и не столько сферой художественного творчества, художественной рефлексии, но, прежде всего, в тесной взаимосвязи самых разнообразных форм поведения индивидов и групп с ценностями и их иерархическими конфигурациями в общественном сознании акторов. В этой связи возникли так называемые *cultural studies*, которые в отечественном обществоведении, в частности, представлены трудами Э. Орловой и Н. Козловой. Задачей данного обществоведческого жанра стало раскрытие социальных механизмов, управляющих поведением людей, в первую очередь посредством идентификации и самоидентификации людей с определенными общностями и присущими им нормативными системами.

Большое впечатление на российскую социологическую общественность произвели разработки международного коллектива исследователей, группирующегося вокруг Йельского университета, посвященные так называемой культурной травме. Эта проблематика пришла в российскую социологию сначала благодаря публикации журнала "Социологические исследования" работ П. Штомпки, раскрывавшему понятие культурной травмы на примере радикальных сдвигов в сознании миллионов граждан Восточной Европы, почти в одночасье попавшими в кардинально иную социальную формацию.

Однако до последнего времени в отечественной социологии не было фундаментальных попыток осмысления предмета и методологии изучения столь радикального переосмысления самого понятия культуры в российском обществоведении в целом. Пионерной работой в этом отношении представляется работа известного социолога А. Маршака "Социология культурно-духовной сферы"¹.

Читатель, обратившийся к данному изданию, получит возможность ознакомиться впервые с комплексным освещением становления и развития культуры и духовной

¹ *Маршак А. Л.* Социология культурно-духовной сферы. М.: Издательство гуманитарной литературы, 2007. 424 с.

сферы. При множественности и большом внимании к этой проблематике, на что указывает и сам автор, книга представляет собой оригинальный и научно обоснованный подход к анализу. Ориентируя читателя на содержание книги, А. Маршак "концептуально исходит из того, что, в отличие от материальной сферы общества, существует иная культурно-духовная среда, имеющая свою инфраструктуру, институализацию и менеджмент".

Несмотря на очевидность такой концепции, в работе показано, как она пробивает себе право на существование, какие преграды существуют на ее пути. Анализируя "долгий путь" становления и развития этой отрасли социологического знания, автор осуществляет тщательный анализ взглядов ведущих социологов культуры, четко характеризует и классифицирует их взгляды. По моему мнению, значительный интерес представляет первая глава, где на обширном фактологическом материале рассматривается генезис теории и истории социологии культурно-духовной сферы общества. Автор предлагает, как мне кажется, единственно верный подход к изложению путей развития методологии этой сферы - историко-логический, где культура предстает в единстве всех ее составляющих сторон. В этом контексте он прослеживает роль и значение идей классиков отечественной и зарубежной социологии, а также взглядов современных российских (советских) и западных исследователей.

С научной точностью и достоверностью в работе изложены различные концептуальные подходы, которые формировались на протяжении всей истории социологии культуры. В этом плане обилие имен различных мыслителей не только оправдано, но и делает изложение материала сугубо конкретным и фактологически значимым. Опираясь на проведенный анализ, исследователь делает обстоятельный вывод об институализации социологии культуры в отечественной науке. Но, конкретизируя это обстоятельство, он дает собственный взгляд на конкретно-социологическое содержание проблемы.

В этой связи культурно-духовная сфера структурируется на институциональные реалии и на художественную жизнь. К первой относится образование и наука, политическая культура и культурная политика, культурно-просветительская деятельность, экологическая культура, религия как духовный институт. К художественной жизни автор относит функционирование театра, кино, музеев, средств массовой информации, чтение.

Первый раздел завершает глава, где представлены социологические очерки культуры различных групп населения города и села, молодежи, интеллигенции, пенсионеров, тех групп, которые являются носителями девиантной культуры. Очерки представляют интерес прежде всего тем, что в них имеются важные данные конкретно-социологических исследований, в том числе и самого автора. Они дают глубокое представление о состоянии культуры различных групп населения современной России. Одновременно у меня, как читателя, формируется понимание роли социологии культурно-духовной сферы в реальном осмыслении культурных процессов, происходящих в российском обществе. Эту задачу, на мой взгляд, решает и второй раздел, в котором представлены публикации автора, изданные им за последние пятнадцать лет. Ознакомление с этим разделом создает у читателя представление о широте и богатстве самого феномена культуры и значимости социокультурной жизни.

Культурно-духовная сфера, как никакая другая сфера жизни, персонифицирована в значительной мере. В развитии культуры, как и в ее изучении, особую роль играет личность исследователя. Поэтому А. Маршак вполне логично завершает книгу описанием портретов исследователей культуры. С одной стороны, что особенно видно из подбора приведенных имен, он отдает дань своим ближайшим коллегам, а с другой, -заполняет тот существенный пробел, который имеется в современной отечественной истории социологии культуры.

На что не решился автор, вероятно по вполне понятным причинам, так это на введение радикально новых терминов, присущих современному изучению данной области. Так, ведущий аналогичную работу во главе Центра культурных исследований

Йельского университета, известный теоретик Дж. Александер в последние два-три года стал решительно различать социологию культуры и "культурную" социологию как по предмету, так по методам исследований². Разлом проходит сквозь сердцевину дебатов между "культурной социологией" и "социологией культуры". Дж. Александер считает, что признать возможность "культурной" социологии означает подписаться под идеей, что каждое действие, не важно, инструментальное ли, рефлексивное, или навязанное по отношению к внешнему окружению, укоренено в определенной степени в горизонтах аффекта и значения.

Трактовка Александера предполагает, что институты, не важно, насколько они обезличены, имеют идеальную основу, которая фундаментальным образом определяет организацию и цели. В этом и состоит структурный контекст дебатов относительно ее легитимизации. Это же определяет и фундаментальное различие между его подходом и более инструментальным и прагматичным подходом к культуре нового институционализма.

Можно сказать, что более традиционный подход к социологии культуры видит ее как зависимую переменную, в то время как для "культурной" социологии культура является "независимой переменной", обладающей относительной автономией в определении действий и институтов, рассматривающей все входящие как более материальные или инструментальные силы.

Существует общий концептуальный набор терминов, таких, как ценности, коды и дискурсы. Обе традиции доказывают, что культура - это нечто важное для общества, нечто такое, что заслуживает тщательного социологического изучения. Обе дисциплины говорят о недавнем "культурном повороте" как о важнейшем моменте в социальной теории. Однако, эти сходства лишь поверхностны. Дж. Александер и его единомышленники опираются на две ключевые методологические категории - "сильная программа" и "укорененность". В контексте социологии науки понятие сильной программы предполагает резкое разведение когнитивного содержания и естественных детерминаций. Йельцы считают, что сильные программы могут также возникнуть в процессе социологического изучения культуры. Подобная инициатива допускает резкое аналитическое разведение культуры и социальной структуры. Это и есть смысл культурной автономии.

По сравнению с социологией культуры, "культурная" социология зависит от учреждения такой автономии; лишь с помощью сильной программы социологи могут высветить ту мощную роль, которую культура играет в определении социальной жизни. По контрасту социология культуры предлагает "слабую программу", в которой культура является слабой и амбивалентной переменной. Можно сказать, что сильная программа черпает энергию в разработанном теоретическом коде, в то время как слабая лимитируется ограниченным кодом, отражающим ограничения и габитус традиционного институционально ориентированного обществоведения.

Термин "укорененность" предполагает, что актер - это не атомизированный и утилитарный индивид, но он в действительности позиционирован в специфических исторических и институциональных контекстах в различных социальных сетях. Данный подход основан, в частности, на концепции М. Поланьи, которая дает возможность эмпирически изучать разнообразие институциональных структур и значение конфигураций включения в различные социальные сети.

Подобное разнообразие происходит из-за двойного движения разукоренения и вторичного укоренения, вызванного распространением постоянно возникающих рыночных возможностей, а также важностью исторически и культурно различных селек-

² Предложение Дж. Александера о "культурной" социологии при дословном переводе на русский язык вызывает серьезные опасения в силу многозначности этого термина. Возможно, на наш взгляд, чтобы учесть специфику подхода Дж. Александера к трактовке культуры, использование слова "культуральная" или "культурологическая" социология. - Прим. редакции.

тивных процессов зависимости от пути при конструировании институтов социального регулирования и социализированных предпочтений экономических акторов.

В рамках этих процессов уделяется внимание преобразованию социальных систем, основанных на взаимности (домохозяйство, родство, сети социального капитала и т.д.), ассоциациям разделяемых интересов, форм экономической организации, неравному распределению власти, политическому вмешательству.

Понятие укорененности основано на нескольких допущениях об обществе: актор не является атомизированным индивидом; логика, лежащая в основе формирования институтов и их норм поведения, не может быть вырвана из контекстов социального взаимодействия, в рамках которых существуют эти институты. Еще одно дополнительное допущение - современное общество испытывает конвергентные тренды трансформации, ведущие в итоге к различным процессам адаптации, вытекающей из специфических социальных, культурных и когнитивных конфигураций конкретных общностей.

Что же касается обсуждаемой книги, то, на мой взгляд, главная ее заслуга определяется тем обстоятельством, что на рассмотрение социологической общественности выносятся, во многом впервые и в постановочном порядке, важнейшие методологические проблемы изучения столь сложной, многогранной и разноплановой сферы, какой является область современной культуры в самом широком смысле этого слова. Продолжить данную работу, как и теоретические поиски во многих других направлениях, - долг последующих исследователей этой важной проблемы.

На мой взгляд, существенным достоинством рецензируемой книги как раз и является весьма компетентная и адекватная разработка краеугольных основ социологии культуры, которую автор называет социологией культурно-духовной сферы. Он оставляет читателю возможность не только познакомиться с выдвинутыми им взглядами и положениями, но и выйти на новые исследовательские рубежи в этой области. Книга Маршака побуждает читателя обратиться к поиску новых подходов в анализе культуры, на этой базе осмыслить культурные реалии российского общества, сформировать собственные адекватные взгляды на современные социокультурные характеристики. Несмотря на то, что работа носит жанр монографического исследования, она с одинаковой пользой может быть воспринята и преподавательским корпусом высшей школы, тем более, что в приложении приводятся дидактически насыщенный образовательный стандарт и программа курса "Социология культурно-духовной сферы". На мой взгляд, помимо теоретического вклада, следует подчеркнуть и ее научно-практическую и учебно-методическую значимость. Книгу можно отнести к трудам, открывающим путь к обстоятельному социологическому изучению культурно-духовной жизни, а также работам, соответствующим требованиям инновационного образования.